

Либерально-демократические ценности / Journal of liberal democratic values <https://liberal-journal.ru>

2020, №1, Том 4 / 2020, No 1, Vol 4 <https://liberal-journal.ru/issue-1-2020.html>

URL статьи: <https://liberal-journal.ru/PDF/05KLLD120.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Звонарёва Л.У., Звонарёв О.В. Русский код и историческая память. Великая Отечественная война в зеркале современной литературы // Либерально-демократические ценности, 2020 №1, <https://liberal-journal.ru/PDF/05KLLD120.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Zvonaryova L.U., Zvonaryov O.V. (2020). The Russian code and historical memory. The Great Patriotic War as reflected by the contemporary fiction. *Journal of liberal democratic values*, [online] 1(4). Available at: <https://liberal-journal.ru/PDF/05KLLD120.pdf> (in Russian)

УДК 37.017.92

ГРНТИ 17.82.30

Звонарёва Лола Уткировна

НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Москва, Россия
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: lزونарева@mail.ru

Звонарёв Олег Викторович

НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», Москва, Россия
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: donfeliz@yandex.ru

Русский код и историческая память. Великая Отечественная война в зеркале современной литературы

Аннотация. В статье отмечается важная роль исторической памяти в сохранении духовности российского общества, и укреплении нравственного и духовного кода цивилизации русского мира, чему способствуют и произведения современных русскоязычных писателей, пишущих о событиях сравнительно недавно закончившейся Великой Отечественной войны – Павла Кренёва, Альберта Лиханова, Александра Евсюкова, Михаила Кураева, Георгия Каюрова, Михаила Михайлова, Рады Полищук, Владимира Тулинова. Авторы подчёркивают, что писатели, подчёркивая трагизм и ужасы военного времени, отмечали, что их герои проявляли гуманизм и любовь к Родине, самоотверженность и заботу о ближнем даже в тяжёлых условиях войны. Отличительной чертой героев их творчества является патриотизм и самоотверженность, что может служить примерам, достойными изучения детьми в школе. В статье делается вывод, что эти качества людей русского мира передаются по наследству, являясь частью генетической памяти. Авторы делают вывод, что чем больше усилий будем прилагаться для нравственного и духовного совершенствования современного российского общества, по примеру уходящих от нас ветеранов – живой истории самой кровавой войны и тяжелейших периодов в жизни СССР и России, тем сильнее будет и наше государство, и русский в мир в целом, тем прочнее будет его цивилизационный код.

Ключевые слова: историческая память; русский мир; русский код; Великая Отечественная война; П. Кренёв; А. Лиханов; А. Евсюков; М. Кураев; Г. Каюров; М. Михайлов; Р. Полищук; В. Тулинов; ужасы военного времени; любовь к Родине

Неумолимо идёт время. Кажется, в повседневной жизни мы не замечаем его бег, занятые работой и обычными хлопотами. Однако иногда происходят события, которые заставляют нас остановиться, оглянуться вокруг, посмотреть назад и, вздохнув, сказать что-то вроде «как бежит время. Вроде бы, это было совсем недавно, а смотри, сколько времени уже прошло». В такие моменты всегда ощущается ностальгия по ушедшему, возникает чувство безвозвратной потери, связанное с событиями прошлого и людьми, жившими в то время. Особенно остро переживаешь такие чувства, вспоминая людей и/или события, которые являлись своего рода символами минувшей эпохи, прошлого, без которого никогда не бывает будущего.

Не думаем, что ошибаемся, утверждая, что в современной России, да и во всём русском мире самым трагическим и одновременно героическим событием отечественной истории, вызывающего чувства светлой грусти и гордости за героизм нашего народа, является Великая Отечественная война [4; 6]. Память о ней священна для десятков миллионов людей, как в России, так и во всём мире. Однако в последнее время приходится защищать наше историческое прошлое от попыток пересмотра и переписывания истории, предпринимаемых представителями различных политических сил, которые в том числе поддерживают и возрождение нацистских идеологий и политических движений и партий, использующих оную в качестве политической платформы [3; 5].

Не случайно Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН в 2014 году одобрил предложенную Россией резолюцию по борьбе с героизацией нацизма. Показательно, и это – исторический факт, что против принятия документа высказались всего три страны – Канада, США и Украина, в то время как в поддержку проголосовали представители 115 из 193 стран-членов ООН. Воздержались 55 делегаций, включая страны Евросоюза. Документ обращал внимание государств-членов ООН на случаи прославления нацистского движения и бывших членов организации войск СС, в том числе путем сооружения им памятников и мемориалов, а также предлагал, в соответствии с международными стандартами в области прав человека принимать более эффективные меры по борьбе с этими явлениями и экстремистскими движениями [16].

Всегда следует помнить, что любые исторические события связаны, прежде всего, с людьми, являвшимися их участниками [2–4]. Вот почему, когда мы бережём память о них, мы тем самым храним и память и о тех или иных событиях, самой истории, в которой участвовали, в том числе, и близкие нам люди. На наш взгляд, именно через призму их воспоминаний и рассказов о них мы можем лучше осознать масштаб исторических событий, их воздействие на судьбы государства и людей, его граждан и «песчинок истории». И чем бережнее мы относимся к памяти и духовному наследию ушедших от нас участников этой грандиозной исторической битвы за свободу человечества от нацизма, тем сильнее мы укрепляем память о нашей истории, а через неё и духовность нашего общества, частью каковой эта историческая память и является. Это, в конечном итоге, помогает всем нам понять, что память обо всех героях и рядовых участниках этой войны является частичкой общей мозаики, составляющей сложную палитру нравственного и духовного кода цивилизации русского мира.

Вот почему любые воспоминания об этих людях бесценны. И ниже нам хотелось проанализировать яркие примеры художественного творчества писателей, проживающих на территории постсоветского пространства, рассказывающих читателям об обычных незаметных людях, гражданах большой страны, называвшейся СССР, которые на своих плечах вынесли все тяготы той эпохи, войны и послевоенного восстановления страны, и их труд на протяжении всей их последующей мирной жизни, перефразируя слова советского классика, «вливался в труд их республики».

Именно об этих людях пишет поморский писатель Павел Кренёв в повести с трагическим финалом «Огневой рубеж пулемётчика Батагова», опубликованная в книге «Берег

мой ласковый» [8] и помогающая читателю познакомиться с мыслями и бесхитростными мечтами героя – простого поморского крестьянина (обнять жену, ждущую ребёнка, достроить избу и лодку). В рассказе «Дядя Вася» Павел Кренёв показывает вам будни войны, концлагерь с совсем другой стороны – бывший фронтовик признаётся, что донёс в концлагере на мужа любимой женщины, готовившего побег, чтобы уничтожить соперника и добиться любви его вдовы, подлый дядя Вася спасается бегством, а спустя годы неумолимая судьба (или всевидящий Господь – автор – человек православный) жестоко расправляется с доносчиком и, по сути, убийцей.

Судя по всему, по рассказам покойной матушки-учительницы восстанавливает Павел Кренёв непростую жизнь семей фронтовиков, оставшихся в войну без кормильца. Юная школьница Аня Матвеева – героиня повести «Беляк и Пятнышко» – отправилась на тяжелейший зверобойный промысел, чтобы поддержать овдовевшую маму и двух младших братишек, оставшихся без отца. Забытая промысловиками на льдине и чуть не замёрзшая в ожидании вернувшегося за вею судна, измученная непосильным трудом девочка видит в полузабытье погибшего отца, который пытается поддержать и успокоить любимую дочку. Писатель напоминает нам, его читателям, – победа далась непосильным трудом сотен тысяч простых людей, заплативших за неё своими жизнями, здоровьем, душевным спокойствием. Многие из них в моменты тяжёлых испытаний приходили к вере. Так происходит и с Аней Матвеевой, юной героиней повести «Беляк и Пятнышко», на пороге гибели обращающейся к Богу [9].

Война вторгается в повседневную жизнь многих героев писателя, разрушая привычный быт, навсегда отбирая и калеча любимых людей. Так, погиб на войне горячо любимый муж героини рассказа «Мина» Евдокии. Но особенность души русского человека, особенно русской женщины, такова, что она может одухотворить, превратить в уютный домашний символ, свою старинную подружку (недаром дочка героини называет её «минуша»), почти собеседницу даже металлический бездушный предмет, с годами превращающийся в памятный раритет, и даже опасную для жизни неразорвавшуюся мину, ещё во время войны застрявшую в деревянной стене дома – в том самом месте, где когда-то не вернувшийся с войны молодой в 30-е годы муж хозяйки мечтал прорубить оконце. На этом самом месте спустя десятилетия появляется окно – после того, как минёры осторожно извлекли старую мину, а хозяйственный зять, по иронии судьбы, поторопился смастерить вместо возникшей в стене дыры, чтобы порадовать старую женщину, заветное окошко.

Московский прозаик старшего поколения Рада Полещук постоянно возвращается к событиям Великой Отечественной войны через призму трагедии еврейского народа: почти в каждой повести жизнь героев кардинальным образом изменилась из-за гибели любимых людей во время фашистских акций по уничтожению еврейского населения. Так, в повести «Лоскут из файдешина» писательница вспоминает еврейские семьи, где погибли все, без исключения («...Гришу захоронили в могилу дальнего родственника, вся семья которого погибла во время войны, кто где-то на фронте, кто в расстрельных ямах» – [19, с. 100], не забывает автор и ещё одну свою родственницу Броню: «...она погибла в Бабьем Яре вместе со своими старыми родителями, к которым приехала погостить летом на недельку-другую, такую недалёковидность проявили умудрённые жизнью старики, немало повидавшие на своём веку – зазвали дочку в гости прямо в самое пекло» [19, с. 36]. В повести «Четыре дочери Фени и Фишеля» Рада Полищук вновь возвращается к теме расстрела фашистами ни в чем не повинных детей и стариков: «Из детей только Фишка в живых остался – и на фронт не взяли, как инвалида, и с Украины, из местечка Монастырище, в Москву вовремя переехал, избежал участи тысяч евреев, уничтоженных немцами в сорок первом году. Рахель успела подумать о нем, о Фене и девочках, когда раздались выстрелы, и она упала, прижимая к себе двух маленьких внуков, чтобы детям не так страшно было. «Фишка с семьёй жить будет» – услышал её слова сосед

Пинхус, которому чудом удалось выбраться из расстрельной ямы» [18, с. 33–34]. В той же повести война лишает семью отца («Папа пропал без вести на войне, лишь одна мама верила, что он вернётся. Других мужчин в семье не было» [18, с. 98]) и трагически легко разрешает сложившийся в семье героини любовный треугольник: «У нас с Зюней сильная любовь была, настоящая, безысходная. Война все решила. Он сразу на призывной пункт пошёл, а я уже почувствовала Сонюшку под сердцем. Ему не сказала, чтоб не разрывался, виной не мучился, он воевать за родину пошёл, это главное. Не вернулся, нет, ни к жене, ни ко мне, в конце сорок первого погиб...» [18, с. 54].

Война стала главным событием жизни для героев притчи Рады Полищук «И было так...»: «А вдруг – война, вероломное нападение германцев. Все стремительно сдвинулось с места и перемешалось: кого мобилизовали, кто сам, добровольно пошёл защищать родину, кто по собственному желанию в тыл поехал спасать себя и детей своих, кто по указанию сверху – военные заводы налаживать, чтобы все необходимое для победы на фронт поступало исправно. Моисея на фронт не пустили из-за трёхпалой правой руки. Он был пошёл воевать, да винтовку в руках держать не сможет, никчёмный он на войне» [18, с. 124–125]. Трагичен финал притчи, вновь возвращающий нас к массовым уничтожениям детей и женщин: «Последнее, что Моисей увидел, падая в яму, было счастливое Фаино лицо и завёрнутые, как в саван, в белые простыни мальчик и девочка ... потом в ушах долго звучали стоны, хрипы, сдавленные крики, потом одиночные выстрелы, короткие автоматные очереди, потом лязг лопат, потом наступила тишина...» [18, с. 136].

Трагедия друзей-ветеранов Вани и Яни, вернувшихся с войны живыми и доживающих свои дни в одиночестве и нищете в родном советском отечестве, передана Радой Полищук в небольшой повести «Лоскут из непригодной для шиться ветоши»: «Ветошь – она ветошь и есть, что тряпье, что старичье. Так думали многие, но стариков не трогали, не задевали. Может, тому причиной старые выгоревшие гимнастёрки, обвешанные медалями, в которых молча коротали они День Победы на своих скрипучих табуретах в дальнем углу двора. Может, тихий перезвон медалей при каждом вдохе и выдохе, при натужном протяжном кашле и неосторожной движении, перезвон, невнятно напоминающий то ли военный марш, то ли похоронный» [19, с. 51–52]. Две главные ценности в жизни героев Рады Полищук – семья и вера, и их разрушает война – таков сюжет этого небольшого произведения: «Потом грянула война народная, священная и смертельная, воистину смертельная. Где все нации гуртом на смерть шли ради великой победы, никто на них тогда специальные бирки не вешал. Сколько людей сгнуло, до сих пор на миллионы ошибаются, сосчитать не могут. А нации все ж таки после войны разделили – вклад каждой в процентной отношении высчитали. Для чего-то понадобилось» [19, с. 54]. Боль за родной народ не утихает в сердце писательницы, она снова и снова напоминает читателям: «А евреев шесть миллионов сожгли и расстреляли просто за то, что евреи, толпами, тысячами вели на убой, как скотину. И некому было защитить, отбить и отомстить оказалось некому. Так и лежат костями и пеплом по разным городам и странам, не похороненные по чести, по правилам, не оплаканные, не отмоленные» [19, с. 56].

У Вани и Яни война отобрала самое дорогое – любимых женщин, не дождавшихся, предавших, и это до конца жизни остаётся смертельной раной для каждого из них: «...неприглядную картину застали Ваня и Яна, вернувшись с войны. Не встретили их жены, жили вдали от дома с чужими мужиками, детишек нарожали, Фрося – двух мальчиков, Фрида – двух девочек, как сговорились. И что особенно смешно: русская – от еврея, еврейка – от узбека. Полный интернационал. Так война распорядилась. В те годы все на войну списывали – она и разлучница, она и сводница, кого опустила не по справедливости, кого вознесла до небес без всякой причины и повода, кого вовсе стёрла с лица земли или непоправимо изуродовала и покалечила. Но это не обсуждается – это её вина: когда в танке горел, на вине подорвался, руки-ноги оторвало, обгорелым обрубком вместо человека стал – ничего не попишешь. И слов

других не найдёшь – война проклятая. Они, Ванька и Янька, целёхонькими из этой кровавой бойни выбрались, а любимые жены предали – как с этим жить? На всю оставшуюся жизнь бобылями остались, предательство жён все кишки разворотило, как разрывной снаряд. Так и не оправились от увечья» [19, с. 62–63].

Московский прозаик среднего поколения Михаил Михайлов (иногда выступающий под псевдонимом Святослав Яров), так же, как Павел Кренёв, имеющий и военное образование, посвятил Великой Отечественной войне три небольших произведения. В повести «Островская быль» [15], как и в прозе Павла Кренёва, мы встречаем документальные материалы – «Сводки Совинформбюро» (за 7 ноября, 12 и 27 декабря 1942 года, от 6, 7, 8, 9 января и 2 февраля 1943 года). На фоне больших исторических событий происходят одна за другой маленькие трагедии конкретных живых людей, которым нет места в Сводках Совинформбюро, но и сегодня они волнуют сердце внимательного читателя. Повесть состоит из остросюжетных психологически точно выстроенных главок: действие почти каждой из них происходит в небольшом городке Остров на Псковщине, где второй год хозяйничают немцы, превратившие её в рейхскомиссариат Остланд. Две главки переносят нас в «Лесную республику», возникшую в псковских лесах в конце июля 1942 года, где хозяйничала 2-я Ленинградская партизанская бригада под руководством Васильева. В дом к священнику отцу Роману, настоятелю Островского Свято-Троицкого собора, приходит раненный партизан-мститель Никита Призоров, повесивший предателя-полицая Воронова, который выдал фашистам юных подпольщиков, казнённых на главной площади города несколько дней назад. Утром 12 декабря 1942 года двадцати двухлетняя Ксюша Назарова, бывшая пионервожатая, награждённая посмертно высоким званием Героя Советского союза, успела громко крикнуть перед тем, как от виселицы отъехал грузовик, на котором стояли островские «молодогвардейцы»: «Мы умираем за Родину! Да здравствует наша Родина!».

Эхо былых исторических трагедий мощно отзывается в дне сегодняшнем: отец Роман недавно вернулся из лагеря, где отсидел семь лет «за антисоветскую пропаганду», а его ночной гость в своё время руководил той самой ЧОНовской бригадой, бойцы которой изнасиловали семнадцатилетнюю дочку батюшки, наутро повесившуюся. Вот они – черты новой прозы, то, что сегодня иногда критики называют «новой искренностью»: священник не доносит на Призорова, прячет, лечит и кормит его, а потом вместе с ним идёт сдаваться в комендатуру, чтобы уберечь городок от новых жертв. Никита ещё в 30-е годы выследил и казнил насильника девушки, случайно узнав о преступлениях своего подчинённого и получив в руки улики-доказательства (украденный из церкви серебряный оклад, отобранное у девушки коралловое ожерелье), но себя, как и батюшка, за допущенную трагедию и гибель невинной девушки не прощает.

Сегодня, в эпоху особой популярности научной фантастики к эпохе Великой отечественной войны обращаются писатели и в прозе этого, на первый взгляд, далёкого от реальных фактов истории направления. Так, Михаил Михайлов (это своё произведение он опубликовал под псевдонимом Святослав Яров) в повести «Курская аномалия» рассказывает об опытах с человеком-феноменом Иваном Степановичем Антонюком, произведённых в местах Курской битвы – на знаменитом Прохоровском поле, сотрудником закрытого научно-исследовательского института, предполагавшим: «Многие учёные единоклюбы: ... уровень психоэмоционального напряжения должен зашкаливать на полях сражений, в которых участвовали и гибли многие тысячи людей. Полагаю, в таких местах аккумулирована огромная эмоциональная энергия, которая при помощи Ивана Степановича я собираюсь превратить в зримое проявление былых событий...». Но на практике всё оказалось гораздо трагичнее: человек, подвергнутый испытаниям, погиб. Драматичен один из финальных эпизодов – описание гибели, как оказалось, прадеда одного из героев танкиста Петра Ивановича Коновалова, в тело которого удалось телепортировать Антонюка, вскоре разделившего судьбу

своего героя и получившего те же ожоги, что и танкист, горевший в тридцатьчетвёрке. Даже искушённую душу способен тронуть эта сцена, умело стилизованная писателем под документальный репортаж: ситуация перед расстрелом танка, увиденная глазами обречённых на гибель молодых ребят: «Механик, как зачарованный, приник к смотровой щели и увидел, как пушка немецкого танка чуть приподнялась – видно, наводчик поправил прицел. Беспомощно раскорячившаяся на пологом склоне тридцатьчетвёрка, как на ладони – лучшей мишени не придумать. Серая угловатая туша «тигра» была метрах в ста, тут и слепой не промажет. Чёрный зрачок пушечного жерла неумолимо уставился на русский танк, ставший всего лишь целью в перекрестье линий прицела. Секунды казались вечностью, но вот «тигр» вздрогнул, выплюнув из дула сгусток огня и облачко белесоватого дыма. Звук выстрела ещё не успел докатиться до них, а тяжёлый снаряд уже угодил прямёхонько под башню. Бронированный корпус раскололся от удара страшной силы, и в то же мгновение ослепительная вспышка и нестерпимый жар ударили в лица танкистов... Потом... Не было никакого потом... Ничего уже больше не было... Для людей в охваченной пламенем машине окружающего мира не стало – на него опустилась вечная ночь...» [21, с. 279]. Непарадная реальность страшной войны способна напомнить нашим современникам о тех огромных жертвах и мучениях конкретных людей, которыми заплатила наша страна за свою великую победу.

Молодые прозаики тоже обращаются к теме войны. Так, с удовольствием вспоминает герой московского Александра Евсюкова из рассказа «Караим» о дополнительной награде, полученной на фронте за добытого с опасностью для жизни языка – трофеем «Вальтер», но и спустя десятилетия продолжает радоваться самому главному: что, несмотря на ранения, удалось вернуться с войны с руками и ногами [1, с. 157–158].

Творчество и самоотверженные, благородные жизненные установки помогали совсем юным людям выжить в драматических условиях блокадного голода и полной изоляции в окружённом фашистскими войсками Ленинграде – не даром известный писатель Кураев разложил всему миру знакомое трагическое слово «БЛОКАДА» на две не менее драматические составляющие «БЛОК – АДА» [12].

Об истории создания посвящённой подвигу блокадников великой музыки Д. Шостаковича рассказывает книга петербургского прозаика Елены Матвеевой [14] с замечательными иллюстрациями известного петербургского художника, лауреата Государственной премии РФ Александра Траугота, пережившего в детстве ленинградскую блокаду. Мы узнаем, что знаменитый композитор стремился как только можно, во всём помогать родному городу и советским воинам: «Он вступил добровольцем в ряды народного ополчения, и его отправили копать противотанковые рвы. Как и все, что бы он ни делал, Шостакович делал с усердием, даже собственной лопатой обзавёлся. Также он работал в пожарной команде, дежурил на крыше консерватории. Была и профессиональная работа: фронтовые концертные бригады не могли возить за собой громоздкое пианино. Шостакович отбирал для выступлений подходящую музыку и оркестрировал её, то есть переписывал для исполнения скрипачом и виолончелистом, с этими музыкантами ездили консерваторские певцы на фронт. Потом Шостаковича назначили заведующим театром народно ополчения. Он просился на фронт, но получил отказ. Для петербургских писателей и сегодня тема блокады – одна из самых волнующих. Елена Матвеева рассказывает юным читателям, как выглядел знаменитый своей красотой город в те далёкие военные дни: «С 8 сентября Ленинград находился в кольце блокады. Над городом висели аэростаты, уличные репродукторы передавали последние фронтовые сводки. По восемь–десять раз в день сирены загоняли людей в бомбоубежища. Приятный для глаза старый особнячок с колоннами, на который Шостакович любил смотреть из окна своего кабинета, превратился в груду обугленных развалин. Дождей не было, стояла на редкость красивая, пурпурная, оранжевая, лимонно-жёлтая осень. Но в садах и парках не было гуляющих, играющих детей и матерей с колясками. Листва долго не

опадала, словно затаилась в предчувствии лютой зимы, когда город начнёт вымерзать и вымирать от голода. В перерывах между обстрелами и бомбёжками тишина стояла такая, что слышен был шелестящий полёт осеннего листа». Писательница приводит смелое выступление композитора, прозвучавшее по радио 17 сентября 1941 года [14, с. 57–61].

«Война давно прошла, и эти женщины и тётя Поля всё ещё её забыть не могут – поют печальные песни, смотрят на фотографии тех, кто так никогда и не состарится. И никогда они её не забудут, потому что война – это самое страшное», – считает главный герой мальчишечьего романа А.А. Лиханова *Лабиринт* [11, с. 298]. «Хорошо, когда у человека трудное, важное дело. Стыдно, если тебе легко, а твоему отцу на войне трудно», – так формулирует в своей монографии один из нравственных нервов ранней прозы писателя В.А. Бахревский [17, с. 12].

Через испытание войной, подобно автору, проходят многие герои ранних повестей А.А. Лиханова. Любимые персонажи писателя постоянно стремятся, наравне со взрослыми, сопереживать слабым и страдающим людям, вне зависимости от их возраста. Коля – из повести «Деревянные кони» переживает за друга, у которого отец погиб на фронте, а мама собирается замуж за инвалида. Трагическое непонимание между мамой и сыном, не желающим примириться с гибелью на войне любимого отца, и нежелание понять мамино стремление быть счастливой с другим – в центре повести «Тёплый дождь», герой которой решает стать военным в память об отцовском подвиге. Во время последней военной зимы происходит действие в повести «Кикимора». Любой здоровый мужчина, кто отсиживался в тылу или воровал общественное достояние, воспринимался любимыми героями А.А. Лиханова, как личный враг [13].

Новая повесть Альберта Лиханова «Незабытые игрушки» – ещё одна глава романа «Русские мальчишки», который давно и прочно вошёл в историю отечественной детской литературы как художественная энциклопедия тылового (1941–1945 годов) детства. Это произведение имеет особую ценность – не только художественную, но и документальную, и нравственную. Писателя волнует, что совсем скоро не останется на белом свете людей, которые бы помнили войну, знали горькое время голодух, похоронок, безутешных слёз. А ещё скорее покидают землю те, кто не просто помнил то горестное время, а стрелял во врага, был ранен и всё-таки выжил, поправился, и прожил ещё одну жизнь, мирную – но ведь и у неё, у этой мирной, хотя и беспокойной жизни есть предел. Прозаик заставляет читателя задуматься о том, как станут жить россияне, когда землю покинет последний малыш, видевший войну. От имени этого «последнего» малыша и идёт повествование. Это тот «маленький человек», который дарит современным читателям обаяние ушедшего времени, его сердечность и милосердие, то необыкновенное воодушевление, которым жила страна и которым наполнялись души наших отцов и дедов [12].

Это важно для понимания того духовного потенциала, который помог нашему народу в те страшные военные годы не только выжить, но стать победителем. Что примечательно в этой повести: документальная точность изображения предвоенного детства совпадает с необходимым эмоциональным фоном, который страстно желает современный читатель. В читательском сообществе назрела потребность на образ «хорошей семьи» с традиционными русскими ценностями. Об этом родители и издатели заявляют на многих форумах в интернете. И здесь мы видим отклик на это запрос, причём, это сделано на широком пространстве отечественной истории. Национальные русские ценности здесь утверждаются просто и ясно, на языке, понятном детям и взрослым. Это тот драгоценный материал, который может явить только человек, который жил в ту эпоху, и который ориентирован на будущее, светлое будущее наших детей.

«Эхо войны» назвал цикл своих рассказов о Великой Отечественной московский прозаик Георгий Каюров [7], обращающийся к тем суровым дням, опираясь на рассказы

фронтовиков и их детей. Изуродованный войной крестьянский сын Игнат Пантелеич, лишённый ног и рук и пытающийся сначала спасти семью от себя, беспомощного инвалида, а потом – из последних слабых сил – уберечь семью от грядущего голода (рассказ «Краб»), беспородная дворняжка Жучка, спасительница русских солдат в самых трудных ситуациях боя и разведки (новелла «Жучка»), навсегда раненный смертью любимой жены и крохотного сына воин-герой из рассказа «Зюзька», досочинявший годами непрожитую жизнь своих любимых родных. Спасшиеся от неминуемой гибели разлучённые войной и драматическими обстоятельствами влюблённые, решившиеся на бегство из родной страны (новелла «Немая судьба»). Старенькая вдова, спустя десятилетия получившая письмо от любимого мужа, убитого на войне (рассказ «П.П.Ш.»). Все эти написанные равнодушной рукой судьбы простых солдат волнуют нас и сегодня, показывая сколько обличий у горя и беды, обрушившихся в июне 1941 года на русских людей, погружённых в простую, лишь на первый взгляд, но, как оказалось, такую счастливую мирную жизнь.

В последние годы о войне начинают писать те, кто знает её по рассказам матерей, служивших в медицинских батальонах. Среди них – белорусский прозаик Владимир Тулинов, автор сборника повестей и рассказов «Гвардейцы Гиппократы» [20], описавший драматические будни девчонок, недавних студенток медицинских факультетов, оказавшихся на войне. Вот один из эпизодов из повести «Красный крест»: «Не дослушав бойца, Татьяна устремилась по траншее к позициям второго взвода. Уже в первой ячейке её глазам предстала ужасная картина: кровь полностью залила лицо лежащего на спине бойца, подрагивало висящее на лоскутке кожи ухо, рядом лежал окровавленный обрубок ноги. Красноармеец стонал, в конвульсиях загребая руками взрыхлённую взрывом землю. Секунду-другую Татьяна колебалась: оказывать помощь агонизирующему бойцу или идти дальше и спасти тех, кого ещё можно было спасти. Решившись, вытащила из сумки жгут. Накрепко перетянула им кровоточащий отросток. «Время наложения надо зафиксировать, хотя бы примерно». Химическим карандашом написала на клочке бумаги: «7.00» и засунула его под жгут» [20, с. 71].

Творческое начало в юности, всегда равнодушно реагирующей на любые драматические события, в том числе и, прежде всего, к трагическим событиям истории нашего Отечества, всегда является хорошим фундаментом, при должном содействии патриотически ориентированных преподавателей, для того, чтобы доходчиво и эмоционально обозначить свою патриотическую позицию, выступив примером для своих сверстников. Ценным в этом плане является практический опыт, наработанный в Санкт-Петербурге, где в учебном процессе активно используются воспоминания [10], дающие убедительные примеры патриотизма, любви к Отечеству и родному городу – пример, достойный подражания и увековечивания в памяти людей, в противовес идеалам потребительской идеологии и гимну эгоцентризма, навязчиво проповедуемыми отдельными периодическими печатными изданиями и телеканалами. Неоднократно упоминал об этом в своих выступлениях и публикациях и Председатель ЛДПР В.В. Жириновский [2; 3; 6].

Итак, что изменилось в русских книгах о войне со времён «офицерской прозы» Василя Быкова, Даниила Гранина, Виктора Астафьева, недавно ушедшего из жизни Юрия Бондарева с его блестящей повестью «Горячий снег»? Это нередко проза людей, получивших основательное военное образование или увлечённых историей (генерал-майор, военный историк Павел Кренёв), кроме того хорошо знающих войну и по рассказам своих родителей, прошедших военных бури (к примеру, отец Кренёва служил сигнальщиком всю войну на одной из судов военно-морского флота). Автор-повествователь предлагает читателю два взгляда на происходящее: историка, знатока документального материала и художника, умеющего показать происходящее глазами подростка. Война, рисуемая в экзистенциальном ключе, обостряет нравственные проблемы: здесь любое предательство или легкомыслие может быть оплачено человеческими жизнями. Всё чаще герои книг о войне – люди совсем юные, и у

них обострено чувство справедливости. Нередко в центре повествования – известные люди, новые факты о жизни которых в детстве, ставшие известными лишь в последние годы, помогают иначе оценить причины поступков взрослых. Документы – официальные, домашние, пролежавшие десятилетия в личных архивах и исповеди современников – детей войны позволяют писателям создать правдивое, полудокументальное повествование, открывающее происходящее на новом уровне глубины, а иногда и с учётом новейшего экологического сознания: контраст между живой природой и вынужденно ранним уходом в мир нестарого человека ощущается в этих текстах особенно остро.

Все участники таких масштабных исторических событий, как живые, предстающие перед нами на страницах литературных произведений, несут в себе своё восприятие истории, участниками которой они были, своё мироощущение, равно как и немногие оставшиеся в строю ветераны этой последней войны. Они являют собой вещественное доказательство того, что сила любого государства и общества опирается не только на финансово-промышленный потенциал, но и на людей, своих граждан, заметных и незаметных членов этого общества. И чем более энергичны и активны его граждане, чем выше градус их нравственного и духовного развития, их «пассионарности», тем больше своих душевных и нравственных сил такие граждане отдают ему. Отсюда сильнее становится и само государство, тем выше его шансы победить в таких переломных моментах истории, как например войны, природные катаклизмы и т. д. Поэтому так бесценны моменты общения с такими людьми, даже если они говорят с нами со страниц художественной литературы, равно как и память о них, сохраняемая, в том числе и на страницах книг, и экранах кинофильмов, ибо в его процессе понимаешь, насколько высоко они подняли планку духовности и служения своему отечеству и семье. Они являются примером и для нас, и для наших детей, и их потомков. Говоря языком советского классика «мы себя под ними чистим, чтобы плыть в нашу историю дальше».

Если каждый из нас будет также искренно, добросовестно и порядочно жить, работать и относиться к близким, ориентируясь на заданные ими нам высокие нравственные стандарты, то именно это и будет означать дальнейшее поступательное развитие как отдельно взятой семьи, так и общества в целом. В конечном итоге, чем больше усилий мы будем прилагать для собственного нравственного и духовного совершенствования, по примеру уходящих от нас ветеранов – живой истории самой кровавой войны и тяжелейших периодов в жизни страны, тем сильнее будет и наше государство, и русский в мир в целом, тем прочнее будет его цивилизационный код. И об этом, как представляется, нелишне вспомнить всем нам ещё раз, особенно накануне приближающейся знаменательной даты – юбилея Великой Победы наших отцов и дедов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евсюков, А. Контур легенды: книга рассказов; предисловие Ф. Нагима. – Москва: Центр Современной литературы "Русский Гулливер", 2017. – 192 с.
2. Жириновский, В.В. ЛДПР: 20 лет борьбы. Москва: ЛДПР, 2009. – 461 с.
3. Жириновский, В.В. Политическая классика. Москва: [б.и.], 1996. Том 1. О судьбах России. – 253 с.; Том 2. Политика и экономика. – 253 с.
4. Жириновский, В.В. Политическая классика. Москва: [б.и.], 1998. Том 16. Последний удар по России Год 1995. – 247 с.
5. Жириновский, В.В. Последний вагон на север. Уходите! Москва: [б.и.], – 2004.

6. Жириновский, В.В. Русский характер: социально-политические аспекты. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным специальностям / В.В. Жириновский; под ред. Н.А. Васецкого. М.: Изд-во СГУ, 2009. – 157 с.
7. Каюров, Г. Эхо войны. // Аисты – не улетайте рано. – М.: Академика, 2016. – С. 275–334.
8. Кренёв, Павел. Берег мой ласковый. Серия Проза русского Севера. М.: Вече, 2019 – 400 с.
9. Кренёв, П.Г. Светлый – пресветлый день. Рассказы и повести. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017 – 352 с.
10. Кураев, М.Н. Блок-ада: Повести. – СПб.: РБИЦ БЛИЦ, 2005. – 271 с.
11. Лиханов, А.А. Лабиринт. Мальчишечий роман // Лиханов А.А. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: ТЕРРА, 2000. Т. 1. – 621 с.
12. Лиханов, А.А. Незабытые игрушки. – Смена. Литературно-художественный журнал. – 2020. – № 5. – С. 92–118.
13. Лиханов, А.А. Собрание сочинений в 7 томах. М.: Книговек, 2010. Т. 1, 2, 4.
14. Матвеева, Елена. Повесть о Дмитрие Шостаковиче. Бессмертие. – М.: Мир детства, 2015. – 104 с.
15. Михайлов, М.С. Островская быль. // Подвиг. – 2017. – № 10. – С. 208–277.
16. По инициативе России в ООН приняли резолюцию о борьбе с героизацией нацизма // Комсомольская правда. [Электронный ресурс]. – 2014. – 22 ноября. Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/1903938/>. Дата последнего входа – 27.05.2020.
17. Поле жизни Альберта Лиханова: Сборник. – М.: Издательский, образовательный и культурный центр "Детство. Отрочество. Юность", 2005. – 207 с.
18. Полищук, Р. И было так. Повести, притчи, рассказы – М.: Текст, 2017. – 381 с.
19. Полищук, Р. Лапсердак из лоскутов. – М.: Текст, 2012. – 285 с.
20. Тулинов, В. Гвардейцы Гиппократы. Повести и рассказы. – Минск: Колорград, 2016. – 210 с.
21. Яров, С. Курская аномалия // Подвиг. – 2014. – № 2. – С. 194–279.

Zvonaryova Lola Utkirovna

Institute of world civilizations, Moscow, Russia
E-mail: lzvonareva@mail.ru

Zvonaryov Oleg Viktorovich

Institute of world civilizations, Moscow, Russia
E-mail: donfeliz@yandex.ru

The Russian code and historical memory. The Great Patriotic War as reflected by the contemporary fiction

Abstract. The article proclaims the historical memory to be extremely important to preserve the Russian society spiritual potential and strengthen the Russian world civilization moral and mental code. The creative work of Pavel Krenyov, Al'bert Likhanov, Aleksandr Evsyukov, Mikhail Kuraev, Georgij Kayurov, Mixail Mixajlov, Rada Polishhuk and Vladimir Tulinov, contemporary Russian-speaking writers writing about the Great Patriotic War which has been ended relatively not long ago, provides a lot to this purpose. The authors claim the writers to draw attention to their heroes showing humanism and patriotism, selflessness and love for their neighbours even in conditions of tragedy and the horrors of the war. Considering patriotism and selflessness of their heroes their works are worth to be included in secondary school programme to be studied by pupils. It is concluded in the article the said character features of the Russian world people to be propagated being the inseparable part of the genetic memory. The authors believe the more we strive to improve the contemporary Russian society catching up with the moral and spiritual ideal personified by the veterans of the last and most devastating war who witnessed the most difficult periods of the USSR and Russia, the stronger our state will become, as well as the whole Russian world and its civilization code.

Keywords: historical memory; the Russian world; the Great Patriotic War; P. Krenyov; A. Likhanov; A. Evsyukov; M. Kuraev; G. Kayurov; M. Mixajlov; R. Polishhuk; V. Tulinov; the horrors of the war; patriotism

REFERENCES

1. Evsyukov, A. Kontur legendy: kniga rasskazov; predislovie F. Nagima. – Moskva: Tsentr Sovremennoy literatury "Russkiy Gulliver", 2017. – 192 s.
2. Zhirinovskiy, V.V. LDPR: 20 let bor'by. Moskva: LDPR, 2009. – 461 s.
3. Zhirinovskiy, V.V. Politicheskaya klassika. Moskva: [b.i.], 1996. Tom 1. O sud'bakh Rossii. – 253 s.; Tom 2. Politika i ehkonomika. – 253 s.
4. Zhirinovskiy, V.V. Politicheskaya klassika. Moskva: [b.i.], 1998. Tom 16. Posledniy udar po Rossii God 1995. – 247 s.
5. Zhirinovskiy, V.V. Posledniy vagon na sever. Ukhodite! Moskva: [b.i.], – 2004.
6. Zhirinovskiy, V.V. Russkiy kharakter: sotsial'no-politicheskie aspekty. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy, obuchayushchikhsya po gumanitarnym spetsial'nostyam / V.V. Zhirinovskiy; pod red. N.A. Vasetskogo. M.: Izd-vo SGU, 2009. – 157 s.
7. Kayurov, G. Ehkho voyny. // Aisty – ne uletayte rano. – M.: Akademika, 2016. – S. 275–334.

8. Krenyov, Pavel. Bereg moy laskovyy. Seriya Proza russkogo Severa. M.: Veche, 2019 – 400 s.
9. Krenyov, P.G. Svetlyy – presvetlyy den'. Rasskazy i povesti. M.: IPO «U Nikitskikh vorot», 2017 – 352 s.
10. Kuraev, M.N. Blok-ada: Povesti. – SPb.: RBITS BLITS, 2005. – 271 s.
11. Likhanov, A.A. Labirint. Mal'chishechiy roman // Likhanov A.A. Sobranie sochineniy: V 6 t. – M.: TERRA, 2000. T. 1. – 621 s.
12. Likhanov, A.A. Nezabytye igrushki. – Smena. Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal. – 2020. – № 5. – S. 92–118.
13. Likhanov, A.A. Sobranie sochineniy v 7 tomakh. M.: Knigovek, 2010. T. 1, 2, 4.
14. Matveeva, Elena. Povest' o Dmitrii Shostakoviche. Bessmertie. – M.: Mir detstva, 2015. – 104 s.
15. Mikhaylov, M.S. Ostrovskaya byl'. // Podvig. – 2017. – № 10. – S. 208–277.
16. Po initsiative Rossii v OON prinyali rezolyutsiyu o bor'be s geroizatsiey natsizma // Komsomol'skaya pravda. [Elektronnyy resurs]. – 2014. – 22 noyabrya. Rezhim dostupa: <https://www.kp.ru/online/news/1903938/>. Data poslednego vkhoda – 27.05.2020.
17. Pole zhizni Al'berta Likhanova: Sbornik. – M.: Izdatel'skiy, obrazovatel'nyy i kul'turnyy tsentr "Detstvo. Otrochestvo. Yunost'", 2005. – 207 s.
18. Polishchuk, R. I bylo tak. Povesti, pritchi, rasskazy – M.: Tekst, 2017. – 381 s.
19. Polishchuk, R. Lapserdak iz loskutov. – M.: Tekst, 2012. – 285 s.
20. Tulinov, V. Gvardeytsy Gippokrata. Povesti i rasskazy. – Minsk: Kolorgrad, 2016. – 210 s.
21. Yarov, S. Kurskaya anomalija // Podvig. – 2014. – № 2. – S. 194–279.